

ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНОГРАФИЯ КАК ФОРМА ФИКСАЦИИ МОДЕЛИ ОКОЛОСМЕРТНОГО ОПЫТА

ORTHODOX ICONOGRAPHY AS A FORM IN WHICH THE MODEL OF NEAR-DEATH EXPERIENCE IS FIXED

Гордеева О.В.
Gordeeva O.V.

Аннотация. При поиске существующих в российской культуре «носителей» информации об околосмертном опыте (ОСО) нами была проанализирована православная иконография. Было обнаружено, что в ней отражены такие элементы ОСО как внетелесный опыт, понимание человеком того, что он умер, темный туннель, видение света, встреча с другими, видения иной реальности, светящееся существо, обзор жизни, граница или предел, ощущение единства.

Ключевые слова: модель измененного состояния сознания, околосмертный опыт, внетелесный опыт, обзор жизни, культурная обусловленность психических состояний, православная иконография, представления об умирании, видение света.

Abstract. In the search for the "carriers" of information about near-death experience (NDE) in Russian culture, we have analyzed Orthodox iconography. It was found to reflect such elements of NDE as out-of-body experience, a person's understanding that he has died, a dark tunnel, seeing light, meeting others, seeing another reality, a luminous being, life review, a boundary or limit, and a feeling of oneness.

Keywords: model of the altered state of consciousness, near-death experience, out-of-body experience, review of life, cultural conditioning of mental states, Orthodox iconography, ideas about dying, vision of light.

Психическое состояние – это «особая психологическая категория, объединяющая большую группу психических явлений» [3, 38], среди которых можно выделить особую группу – т.н. измененные состояния сознания. Измененные состояния сознания (ИСС) – психические состояния, индуцированные различными физиологическими, психологическими или фармакологическими способами или препаратами, которые могут быть идентифицированы субъективно или объективно как представляющие достаточное отклонение в субъективном переживании или психическом функционировании по таким параметрам как изменения внимания, восприятия, мышления, речи, памяти, восприятия

времени, самосознания, образа тела, уровня активации, эмоций, самоконтроля, системы мотивов и смыслов. И если феноменология ИСС достаточно хорошо известна, то детерминанты, влияющие на ее формирование, продолжают оставаться предметом научного исследования. Одним из таких детерминант является культура как носитель моделей ИСС – явных или имплицитных представлений об этих состояниях, которые определяют структуру (т. е. как именно будут меняться конкретные психические функции в данном состоянии), содержание психической жизни в этом ИСС, формы, функции, способы индукции данных состояний у отдельного человека.

Околосмертный опыт (ОСО) – это такое измененное состояние сознания, которое переживается в момент близости к смерти и характеризуется появлением специфического паттерна психологических феноменов (элементов ОСО или составляющих их компонентов) [2; 5; 6], объединяемых сценарием «путешествия в иную реальность». Универсальность этого паттерна, особенно если респонденты принадлежат одной культуре (что мы обнаружили и при изучении ОСО россиян), обычно объясняется наличием в каждой культуре определенной модели ОСО, существующей в обществе, фиксированной в разных источниках и влияющей на формирование данного опыта у конкретного человека. Если сейчас человек узнает об ОСО из кинематографа, книг и рассказов переживших в Интернете, то откуда о нем узнавал россиянин (в подавляющем большинстве неграмотный и плохо понимающий церковнославянский язык богослужений и религиозной литературы) в 13-18 веках?

Вероятно, «носителями» информации об ОСО являлись изображения (прежде всего, на внутренних стенах церквей, которые были перед глазами на протяжении всего богослужения). Поэтому мы изучили русское изобразительное искусство (средневековое, Нового Времени и старообрядческое 18 – начала 20 вв.) – фрески, иконы, миниатюры-иллюстрации к синодикам, житиям, апокалипсисам, апокрифам и разнообразным сборникам для чтения, включавшим литературу визионерских «хождений». Нами был проведен анализ православной иконографии – регламентированной системы изображения определенного содержания.

Начало умирания в ней обычно изображалось как визит к человеку персонифицированной Смерти (в виде ссохшегося белого мертвеца, скелета, звероподобного либо антропоморфного создания), в ее руках была длинная коса, а за плечами – корзина, наполненная мечами, ножами, серпами, секирами, оскордами, копьями и другими орудиями убийства [1, 77-78]. Поэтому такой элемент ОСО как **понимание человеком того, что он умер**, в иконографии предстает (из-за наглядности средства презентации) как очевидный: умирающий

видит приближающуюся Смерть. Сам момент смерти изображался как выход души (в виде небольшого человечка) из уст умирающего и ее движение вверх. Здесь отражены следующие компоненты **внегородского опыта** как элемента ОСО: выход из тела как процесс, отделенность души от тела, движение вверх, обладание неким нефизическими телом (именно оно было в иной реальности объектом различных воздействий и источником соответствующих ощущений, например, подвергалось мучениям).

На иллюстрациях к сборникам и житиям 16–19 вв. [1, 79-86] у ложа умирающего собираются небесные и падшие духи, спорящие за его душу, и между ними начинается «прение»: бесы, разворачивая свои хартии (бумаги в форме свитков), перечисляют совершенные и не исповеданные умирающим грехи, а ангелы говорят о его добродетелях и покаянии, т.е. суд начинается прямо на смертном одре (здесь речь идет об индивидуальном суде, происходящем над душой каждого сразу после смерти, вместе с этим сосуществовала идея «всебесенного», Страшного, суда над всем человечеством в конце времен). Здесь – не один, а несколько судей, не все они, а только представители светлых сил, обладают обычно присущими **светящемуся существу** (элемент ОСО) атрибутами – свечением, авторитетностью, любовью и принятием. В изображениях прения ангелов и демонов содержится **обзор жизни** (элемент ОСО), который здесь разделен между носителями «плохих» и «хороших» (с точки зрения религиозной морали) воспоминаний; субъектом данного обзора выступают ангелы и демоны, а не сам человек (он – лишь зритель); при этом обзор носит вербальный, а не образный характер: о событиях жизни говорят, а не показывают.

Решение в ходе этого прения принимается сразу же лишь в самых очевидных случаях: души праведников отправляются на небеса, а грешников – в ад, где и пребывают до Страшного суда. Путь в иную реальность начинается на смертном одре. При этом субъектом перемещения является не сам человек: на миниатюрах душу грешника (нахождение во власти дьявола визуально обозначается присутствием беса рядом) демоны везут в телеге или тянут веревками в ад, душу праведника на руках уносят ангелы [1, 52], – в этих изображениях нашло отражение **ощущение единства**: единение с силами добра/зла представлено как физическая близость.

В менее очевидных случаях (когда человек при жизни совершал и добродетельные, и греховные поступки) душа, поднимаясь в сопровождении ангелов ввысь, проходит в воздухе через серию испытаний (вариант индивидуального суда) – мытарств, которым ее подвергают демоны в течение 40 дней после смерти, проверяя на т.н. мытарственных станциях наличие у души конкретного неисповеданного греха (сребролюбия, гордыни, пьянства и пр.); выдержав все испытания, душа поднимается на небеса, а при наличии греха низвергается в ад [1, 87].

Визуально мытарства в русской иконографии изображали в виде мытарственного змея, отдельных станций в воздухе между землей и небом или мытарственной лестницы [1, 90-91]. Так, по *лестнице* на Небеса поднимается душа с помощью ангелов, на ступенях или пролетах лестницы располагаются мытарственные станции, где бесы пытаются сбросить душу, ангелы отгоняют их копьями; внизу не справившихся с испытаниями ожидает разверстая пасть ада [1, 98]. В конце 15 в. на иконах Страшного суда появляется изображение *змея мытарств*, символизирующего эти испытания, на его тело нанизаны кольца с названиями грехов. Змей мытарств, как и лестница мытарств, – визуальные символы **обзора жизни**: на каждой из станций происходит актуализация определенных воспоминаний – но не всей жизни (как в современном ОСО), а лишь отдельных ее событий по определенному «плану» (списку грехов).

Образ *огненной реки* на иконах Страшного суда многозначен. Во-первых, огненная река – символ проверки праведности прошлой жизни (т.е. она символически дублирует образ змея мытарств) и наказаний: попав в эту реку, праведный не пострадает – ему она сохраняет «хлад», а грешников она «опаляет», они сгорают в ней (о чем говорят надписи на иконах) [4, 347-348]. Во-вторых, ряд православных текстов гласит, что если грехи человека были незначительными, они сгорят в огненной реке, а человек сможет войти в Царствие Небесное [1, 106], – огненная река выступает как визуальный символ чистилища, хотя считается, что в русском православии отсутствует данная идея [1, 219].

Окончательный суд в конце времен вершит Иисус Христос, предстающий на иконе Страшного суда, в частности, в образах Ветхого днями (седовласый старец в белых одеждах со свитком в руках, сидящий на белоснежной индитии в правой части длинного огненного престола), и Судии на огненном троне [3, 335], в обращенных к грешникам словах которого (написаны на свитке ангела) воплощена идея суда человека по деяниям его [4, 349]. Ниже на данных иконах изображается «мерило праведного» – *весы* и «рука Божия», взвешивающая греческие и добрые деяния умершего [см. 1, 113; 4, 347], что еще более акцентирует идею суда. Взвешивание как бы подводит итог земной жизни человека, поэтому в данном образе отражен не только элемент «обзор жизни», но и трансцендентный характер околосмертных переживаний – аспект, связанный с целостным видением своей жизни со стороны как включенной во вселенский миropорядок. В образах Ветхого днями и Судии соединяются такие атрибуты светящегося существа как его авторитетность, свечение, персонификация, контакт с ним, но при этом образ Судии предполагает и взыскание за грехи, вопрошение о них, при этом фигура судящего единична.

В христианстве (в т. ч. и в православии) для обозначения ада как пространства и удерживающей силы [1, 165], а также входа в ад часто используется метафора «пасть ада», которая при изображении визуализируется (как и гиперболы, в которых преисподня сравнивается с бездонным колодцем и ненасытной утробой [1, 11]), и зритель действительно видит раскрытую пасть страшного монстра, из которой торчат головы и тела осужденных и вырывается пламя. В этом образе можно проследить отражение таких компонентов элемента «темный туннель» как темнота и замкнутость (колодец, пещера, пасть) и движение (при перемещении грешника в ад). Таким образом, мы встречаем в иконографии все компоненты темного туннеля как пути в иную реальность, правда, располагаются они непосредственно перед этой реальностью, примыкая к ней.

Изображения переживаний света как элемента ОСО – неотъемлемая черта православной иконографии: для позитивного ОСО это – сияние царства света и всех его представителей – ангелов, святых, Христа (визуально свет обозначается нимбом вокруг головы, белым, красным и золотым цветами). Но и негативные видения иной реальности полны описаний света – адского пламени. Встреча умершего с другими как элемент ОСО очень характерен для православной иконографии. Этими «другими» могут быть проводники и помощники (сопровождающие и защищающие душу ангелы на изображениях хождения души по мытарствам) [1, 87-90], а также ранее умершие незнакомые люди (они во множестве присутствуют на изображениях рая и ада). При этом отсутствуют изображения того, как умерший встречает в иной реальности своих родных и близких (подобный сюжет отсутствовал и в литературе).

Ад как иная реальность крайне подробно визуализирован, визуальные мотивы (темница, пылающее озеро, пещера, подземелье, чудовищные специфичные для различных грехов пытки и казни, которым бесконечно долго подвергают грешников бесы-палачи, тьма и пламя, красный и черный цвета) означают муки, отчаяние и ужас и отражают карающее начало преисподней [1, 117-130; 4, 355]. Рай воплощен в трех образах: сад (вертоград) Богоматери, лоно Авраамово, Небесный Иерусалим с сонмами святых [4, 355]. Около рая изображаются небесные врата, у которых стоит апостол Петр, они открываются только перед теми, кто смог заслужить это [4, 354]. Здесь мы усматриваем такой элемент ОСО как граница, которую нельзя пройти без разрешения (в ОСО эта идея оборачивается: человек сам отказывается от пересечения границы).

Ряд элементов/компонентов ОСО не представлены в православном изобразительном искусстве (невесомость или отсутствие ощущений, видение тела из положения сверху, способность к восприятию окружающей действительности во время ВТО, неопределенные слуховые ощущения в начале опыта,

невыразимость), а также связанные с возвращением элементы (решение о возвращении, само возвращение, реалистичность переживаемого, нежелание рассказывать о пережитом другим, запоминаемость ОСО, его трансформирующее воздействие, новое отношение к смерти и жизни), хотя этап возвращения отражен в православной литературе жанра видений. Элементы «ощущение мира и покоя» и «изменение переживания времени» присутствовали имплицитно: знание о блаженстве и покое праведников в раю, о бесконечности мук и блаженства в ожидании Страшного суда человек получал не из самого изображения, а из пояснений к нему. Таким образом, в православной иконографии нашли отражение следующие элементы ОСО: внетелесный опыт, понимание человеком того, что он умер, темный туннель, видение света, встреча с другими, видения иной реальности, светящееся существо, обзор жизни, ощущение единства, граница или предел. Это позволяет сделать вывод, что изобразительное искусство может выступать носителем модели измененного состояния сознания (как вида психических состояний), детерминирующей его формирование, что подтверждает идею культурно-исторической обусловленности психических состояний.

Литература

1. Антонов А.И., Майзульс М.Р. Анатомия ада: Путеводитель по древнерусской визуальной демонологии. М.: Форум; Неолит, 2014.
2. Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: Физкультура и спорт, 1990.
3. Прохоров А.О. Определение понятия «психическое состояние» // Психология состояний. Хрестоматия. Под ред. А.О. Прохорова. М.: ПЕР СЭ, 2004. С.34-39.
4. Шалина И.А. Древнейшая псковская икона с изображением Страшного суда // В созвездии Льва. М.: БуксМарт, 2014. С. 538–579.
5. Greyson B., Stevenson I. The Phenomenology of Near-Death Experiences // American Journal of Psychiatry. 1980. Vol. 137. № 10. P. 1193–1196.
6. Van Lommel P., van Wees R., Meyers V., Elfferich I. Near-death experience in survivors of cardiac arrest: a prospective study in the Netherlands // The Lancet. 2001. Vol. 358, № 9298. P. 2039–2045.

Автор: Гордеева Ольга Владимировна, г. Москва, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, доцент кафедры общей психологии факультета психологии, канд. психол. наук, olagordeeva@mail.ru